

НЕСКОЛЬКО ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Слова с затемненной этимологической структурой, после которых в этимологических словарях стоит помета «неясно», представляют особый интерес для исследователя. Чаще всего эти слова принадлежат к диалектной лексике, и нередко причина неясности слова заключается в недостаточности сведений о нем, о его родственных связях в говорах. Необычная, на первый взгляд, форма слова может отражать какие-то фонетические или морфологические процессы в говорах, еще не описанные или не вошедшие в научный обиход.

Несколько сложнее обстоит дело с заимствованиями, воспринятыми при непосредственном контакте двух языков. Если при этом оба языка принадлежат к разным группам, то слово в воспринявшем языке существует в виде ряда адаптированных форм, из которых устойчивой оказывается не всегда самая близкая к первоисточнику. При этом возможно появление иллюзорных связей со словами заимствующего языка, иногда скрывающих даже сам факт заимствования.

Наиболее трудный случай представляют слова, утратившие по каким-либо причинам родственные связи и подвергшиеся разного рода искажениям и контаминации. Реконструкция первоначального облика таких слов не всегда возможна, но тем не менее сама работа с такого рода словами увлекательна.

Большие сложности представляют слова, подвергшиеся сознательному искажению в разного рода тайных языках с целью затруднения понимания его окружающими.

Иногда представляют интерес и такие слова, после которых нет пометы «неясно» и словообразовательная структура которых проста и понятна. Неясность возникает лишь при более внимательном взгляде на семантические отношения производного и производящего, и простая этимология оказывается нуждающейся в дополнительной аргументации.

Не претендуя на то, чтобы отметить все возможные трудности, хочу лишь остановиться на некоторых моментах, подтвердив их примерами.

гарлу́на

— южнорусский диалектизм, обозначающий несколько сорных растений семейства крестоцветных, внешне сходных между собою (*Bunias orientalis*, *Raphanus raphanistrum* и нек. др.). Наличие многочисленных фонетических и словообразовательных вариантов слова, наблюдаемое в этом случае, — один из наиболее верных признаков разрушения первоначальной формы: *гарлу́на*, *гарлу́нник*¹, *гарля́на*², *горля́на*³, *курле́на*⁴, *гру́на*⁵, *групена*⁶, *кру́на*⁷. Задача заключается в снятии всех вторичных сближений и рифмованных форм. Не принимая в расчет слова, осложненные вторичной суффиксацией (*гарлу́н-ник*, *груп-ена*), мы вынуждены в первую очередь отбросить вариант *кру́на* как результат замены непонятного слова понятным. Затем вызывают подозрение во вторичном оформлении такие формы, где видно влияние других живых слов языка: *курле́на* (*кур*, *лепить*), *гарля́на* (*ляпать*), *гарлу́на* (*лупить*). Отчетливо видно желание связать вторую часть слова с какими-то значащими элементами (ср. ее варианты *луп-/люп-/ляп-/леп-*). Откровенное влияние слов *горло* и *лупить* привело даже к появлению народной этимологии, по которой *гарлуна* от того, что «лупит (дерет) горло». Отказавшись от поздних контаминационных форм, мы вынуждены обратить внимание, на «ни на что не похожее» *гру́на*. Можно высказать предположение, что именно оно наиболее близко к исходной форме, но дальше этого русский материал не позволяет продвинуться.

На Украине, в говорах Волынской области, те же и некоторые другие близкородственные растения семейства крестоцветных (*Bunias orientalis*, *Brassica napus*, *Sinapis arvensis*) называются *гору́на*⁸, *гору́нка*⁹. Характерное отсутствие каких-либо вариантов этого названия говорит в пользу его первоначальности. Можно предположить, что именно такая форма с неясной структурой, редким словообразовательным оформлением привела к возникно-

¹ Опыт, стр. 36 (с пометой *орл.*); Н. И. Анненков. Ботанический словарь. Изд. 2. СПб., 1878, стр. 72 (с пометой *тамб.*); Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ, т. XXVIII, 1892, стр. 52.

² Е. М. Иссерлин. Говоры Пензенской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1945, стр. 151.

³ Н. И. Анненков. Указ. соч. (с пометой *ворон.*).

⁴ Там же (с пометой *нижегор.*); Даль² I, стр. 334.

⁵ Опыт, стр. 421 (с пометой *тул.*); Даль² I, стр. 401.

⁶ Ф. Поликарпов. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижегородский словарь. — «Филологические записки», вып. I—III. Воронеж, 1912, стр. 467.

⁷ Запись автора в Воскресенском р-не Московской обл.

⁸ Гринченко I, стр. 316.

⁹ St. M a k o w i e s k i. Słownik botaniczny łaćnińsko-małoruski. Kraków, 1936, стр. 61.

вению большого числа вторичных форм в говорах русского языка: развитие вставного *л* (*гарлупá* < *горупá*) под влиянием глагола *лупить*, выпадение начального гласного *гупá* < *горупá* (кстати, находящегося в слабой позиции).

На почве украинского языка слово *горупá* также изолировано.

Характерно, что большая часть названий крестоцветных растений так или иначе отражает признак со значением 'горький': ср. *горчица*, *горькушка*, *горькушник*, *жеруха*, укр. *перечниця*, *хрiниця*, *гiрчак*, *гiрчек*, *горунка* и т. д.¹⁰ (стоит обратить внимание на то, что на Украине слово *горупá* служит названием и для дикой горчицы — *Sinapis arvensis*).

В то же время в древнесербских памятниках зафиксированы слова *gorup*, *gorupan* 'горький', *gorupiti* 'горчить'¹¹, словен. *gor(j)ur* 'горький'¹².

Связь между украинским названием горького растения и сербским словом со значением 'горький' в формальном отношении абсолютна, а в семасиологическом отношении вполне понятна. Повидимому, это древние украинско-сербские формы, сохраняющие редкий словообразовательный вариант прилагательного 'горький' в праславянском языке **gorupъ*, -а, -о. Будучи изолированным в словообразовательном отношении, он был вытеснен в сербском более продуктивными формами, а в украинском сохранился лишь как диалектное название горьких растений. Многообразие вариантов в южнорусских говорах говорит скорее всего о том, что это украинский элемент, не имеющий этимологических связей на русской почве.

шишобáр

В вологодско-вятских говорах и пограничных с вологодскими архангельских, а также в части говоров Сибири существует слово *шишобáр* 'репейник'¹³. Н. И. Анненков считает слово неясным¹⁴, А. К. Матвеев на том основании, что в коми языке есть слово *шышыбар* 'репей', причисляет его к русским заимствованиям из восточнофинских языков, но этимологии на финно-угорском мате-

¹⁰ См.: В. А. Меркулова. О некоторых принципах этимологии названий растений. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 75.

¹¹ RJA, zv. 10, стр. 296.

¹² V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 182.

¹³ Даль IV, стб. 1444 (с пометой *волог.*); Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 185 (с пометой *волог.*, *вят.*); Опыт, стр. 266 (с пометой *волог.*, *верховаж.*); Н. Л. Скалозубов. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии, дикорастущих и некоторых культурных. Тобольск, 1913, стр. 22; Запись автора в с. Шблома Красноборского р-на Архангельской области.

¹⁴ Н. И. Анненков. Указ. соч.

риале не дает ¹⁵; в то же время Вихман считает это слово русизмом ¹⁶.

Последнее более вероятно. *Шишобár* имеет структуру сложного слова с соединительной гласной *-o-*: *шиш-о-бár*. Можно пытаться соотнести обе части сложения с определенными значащими элементами в русском языке. Некоторую услугу при этом могут оказать другие названия репейника с аналогичной структурой. Ср. общерусское *чертополох* с первой частью *черт-* 'черт' и второй *-полох* от *полошить* 'пугать' (ср. *переполох*, *сполох* и др.), *чертогбн* то же ¹⁷ с первой частью *черт-* 'черт', второй *-гон* от *гнать*. Возникновение этих названий объясняется тем, что растение считалось магическим, отгоняющим нечистую силу, им окуривали хлевы, чтобы предохранить скотину от нечистой силы и болезней ¹⁸.

Языку свойственно постоянное воспроизведение одних и тех же семантических моделей на новом материале. Это напоминает надписи, сделанные на разных языках, но имеющие одно и то же содержание. Предположив, что слово *шишобár* есть нечто подобное переводу слова *чертополох*, мы можем соотнести первую часть сложения с диалектным названием черта — *шиш*. Последнее имеет приблизительно тот же ареал распространения, что и слово *шишобár* — севернорусские говоры: *шиш*, *шишйга*, *шишигán*, 'нечистый, сатана, бес', *шишймора* (вост.) 'кикимора, привидение', *шишка*, *шишкó* 'бес, черт' (новг. твер. псков.)¹⁹. В основе своей это название, по-видимому, табуистического происхождения ²⁰.

Во второй части сложения слова *шишобár* можно предположить элемент *бор-* от глагола *борóть*. Все слово должно было бы выглядеть как **шишоббр* 'побарывающий, побеждающий чертей'. Наличие же в слове элемента *-бар*, а не *-бор* может быть объяснено активно действующим в последние полтора столетия процессом замены в определенных морфологических позициях ударного *o* на ударное *a*. Ср. уже утвердившееся в литературном языке *оспаривать*, *зарабатывать* и т. д. В говорах, где все тенденции развития проявляются активнее и последовательнее, аналогичное

¹⁵ А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959, стр. 40.

¹⁶ У. В и с м а н н. Syrjänischer Wortschatz. Bearb. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942, стр. 87.

¹⁷ Г. Н. Потанин. Слова, записанные по дороге из Никольска в г. Тотьму. — Ж. Ст., СПб., 1899, вып. II, стр. 191.

¹⁸ См.: А. Шустиков. Тавреньга Вельского уезда — Ж. Ст., СПб., 1895, вып. II, стр. 198; V a s m e r III, стр. 329.

¹⁹ Д а л ь IV, стб. 1445; К. Л а в р о в. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии: Новгородском, Крестецком, Старорусском, Кирилловском и Боровичском. — Ж. Ст., СПб., 1895, вып. III—IV, стр. 381.

²⁰ См.: Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. 2. — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. 9. Л., 1930, стр. 102.

чередование зафиксировано и после мягких согласных: *прот'-окат'* — *прот'акиват'*.

Думается, что в слове *шишобар* мы наблюдаем некое подобие этому явлению, мену ударного корневого гласного, но в составе сложного слова. Ср. *чистоган* (вм. *гон* от *гнать*), *горлопан* (вм. *пон*, ср. *опона*, *попона*, *запон* и др., синонимичное слову *горлопан* — *горлопьял* и выражение «спялить горло») ²¹. То, что все три слова не объяснялись или объяснялись иначе, связано с тем, что они рассматривались изолированно, вне предположения о возможности определенного морфологического явления.

княжйца

принадлежит к словам прозрачной этимологической структуры и поэтому не рассматривается в этимологических словарях. Этим словом называют в значительной части севернорусских говоров красную смородину, реже поленику. *Княжйца*, *княжйка*, *княжка*, *княженйца*, *княженйка*, *княжанка*, *княжнйца*, *княжнйка* ²² — разнообразные варианты этого названия, показывающие различные примеры выравнивания по словообразовательному ряду. Первоначальная словообразовательная модель проста: «основа имени прилагательного + суффикс *-йца*.» *Княжйца* значит 'княжья ягода', но неясно, почему красная смородина называется *княжвей*. Можно предположить, что в основе имени прилагательного лежит не основное значение слова *князь*, а одно из его производных значений.

Известно, что *князьком* принято называть животное необычной для данного вида масти: белую куницу, белого соболя, мышь и т. д., а также колос необычных размеров. «Промышленники утверждают, что бывают соболи, хотя и чрезвычайно редко, совершенно белые; их, как вообще выродков, здесь промышленники называют соболинами князьками; они ими очень дорожат и, по суеверному обычаю, держат их в домах» ²³. Возможно, что именно таким выродком воспринималась смородина, белая и красная, в отличие от

²¹ Существующая этимология слова *горлопан* от *горло* + *пан* (А. А. Соловский. Еще мелочи. — РФВ, т. LXXI, 1912, стр. 443) не представляется убедительной.

²² Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 88; Даль II, стб. 316; А. И. Подвысоцкий. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 67; Г. Куликовский. Словарь областного олонекского наречия. СПб., 1898, стр. 37; В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения ростовского (Яросл. губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1903, стр. 40; Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 82.

²³ А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. М., 1962 (переизд. кн.: А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. [Б. м.], 1867), стр. 87.

черной, и поленика, похожая на другие известные ягоды и в то же время отличная от них.

Почему такие предметы носили название *князька́* или *княжьего*, — трудно сказать: в результате своей незаурядности, необычности или потому, что шкуры животных редкой масти в первую очередь сдавались в качестве дани, как думает Соболевский²⁴. Но это уже этимология другого слова.

батла́чек

В научной ботанической литературе так называют два растения семейства злаковых. Известно, что при составлении национальной научной ботанической терминологии широко используются и диалектизмы, и заимствования, и кальки. В словаре Даля это название передано в несколько иной форме: *батлачик*²⁵, причем оно значит не только злаковое растение (*Alopecurus*), но и водное растение стрелолист (*Sagittaria sagittifolia*).

Если же мы обратимся к говорам, то обнаружим, что территория распространения этого названия достаточно определена: это русские говоры нижнего Поволжья, Дона и близлежащие украинские говоры. В говорах это слово выступает как название целого ряда водных растений: водяных орехов (*Trapa natans*), сусака (*Butomus umbellatus*) и стрелолиста (*Sagittaria sagittifolia*). Вариантность слова достаточно велика: *батманчѹк*, *батманцѹк*, *бодманцѹк*, *батлан*, *батланцѹк*, *батлачик*, *мадлачик* и *банцушник*²⁶, укр. *батлан*²⁷. Наличие суффиксов *-чик*, *-чук*, характерная мена *б/м* показывают, что в основе всех этих вариантов лежит тюркский элемент. И действительно, в татарском языке водяные орехи (*Trapa natans*) называются *batmansьq*²⁸.

При усвоении этого заимствования происходило несколько процессов, из которых наиболее откровенно видны: выпадение *н* перед *ч/ц* и мена *н > л* во втором слоге. Об этимологии этого слова на тюркской почве можно высказать лишь осторожное предположение. Слово *batmansьq* в татарском языке — форма уменьшительности от слова *batman*, обозначающего различные меры веса и достаточно широко представленного и в русском языке. Так как в качестве меры нередко используется определенная посуда, то слово *batman* иногда выступает в значении 'горшок, кувшин'. Ср., например, *патман* (Uig. Tar):

²⁴ А. А. Соболевский. Указ. соч., стр. 214—215.

²⁵ Даль³ I, стб. 136.

²⁶ Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 73, 321, 356; В. М. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929, стр. 337.

²⁷ St. Makowiecki. Указ. соч., стр. 322.

²⁸ Tatarca-ursca syzlek. Казань, 1931, стр. 42.

1) батман (мера), 2) (Tar) 'полный горшок'²⁹; *батман* 'глиняная посуда вроде кувшина', *патман* 'полный горшок'³⁰.

В таком случае *batmancaq* значит 'кувшинчик, горшочек', и это тюркское название водяных орехов сходно с их славянским названием *котелки*³¹.

От тюркского названия водяных орехов до русского литературного названия злаковых растений слово проделало сложный путь, претерпев изменения и формы и значения.

истод

— научное название небольшого травянистого растения *Polygala vulgaris* L. В научную литературу это слово проникло, повидимому, из существовавших словарей. Оно отмечено в словарях Маковецкого, Залесовой, Даля, Анненкова³². Первоисточником служил, вероятно, словарь Анненкова, где приводятся формы *истод*, *истодот*, *истод-дерево* со ссылкой на И. О. Калининко, давшего сведения о названиях растений на Украине и на юге России.

Для выяснения происхождения слова необходимо обратиться к другим названиям этого растения и его свойствам. Различные виды *Polygala* во многих местах используются как лекарственные и магические. На юге Архангельской области *Polygala vulgaris* существует под именем *урочной травы*, т. е. травы, помогающей от болезней, возникших в результате наговора, «урока». Растение собирают и окуривают им скот и детей. Н. И. Анненков сообщает, что *Polygala amara* L. и *Polygala comosa* L. «употребляется от рака, водяной и чахотки»³³. О лечебном использовании растения говорят и его другие названия: *родимцевая* (т. е. используемая от *родимца* 'родового паралича'), *сорокоприточная* (т. е. употребляемая от сорока приток, или болезней), *измодик*, *измод* (ср. глагол *модѣть* 'болеть, слабеть, чахнуть'), *коница* (ср. глагол *конить* 'ныть, болеть')³⁴.

Вполне возможно, что такое использование было связано не с реальными лечебными свойствами растения, а лишь с внешней словесной и предметной магией. По-чешски это растение называется *křížový květ*, *křížek* (что, несомненно, свя-

²⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1181.

³⁰ Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 29.

³¹ Даль² I, стр. 407.

³² St. M a k o w i e s k i. Указ. соч., стр. 282; Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, т. I. СПб., 1898—1899, стр. 123; Даль II, стб. 142; Н. И. Анненков. Указ. соч., стр. 262.

³³ Н. И. Анненков. Там же.

³⁴ Даль II, стб. 142.

зано с немецким *Kreuzwurz*)³⁵, по-украински *xrestovnyk*, *krestovec*, *krestovnyk*³⁶. Отсюда благодаря внешним ассоциациям возникло название *Polygala божье дерево*.

В речи колдунов и знахарей возможно употребление намеренно непонятных и затемненных терминов. По-видимому, к таким словам относится и слово *истбд*, *истбд-дерево*. Оно является переводом на офенский язык³⁷ названия *божье дерево*. На офенском языке слова *стод*, *стода* употреблялись в значении 'бог, Христос, церковь, икона'³⁸.

Начальное *и* в слове *истбд* может быть объяснено как протеза перед *с*, ср. *исерьги* 'серьги', *исрубы* 'срубы' и др.³⁹, явление достаточно известное в говорах русского языка.

Слово, случайно записанное у бродячего офени, попало в словарь, а затем и в научную речь.

³⁵ V. M a s h e k. Указ. соч., стр. 138.

³⁶ St. M a k o w i e s k i. Указ. соч., стр. 282.

³⁷ Офенский язык — тайный язык бродячих торговцев иконами и церковными сувенирами. Нередко офени выступали в роли знахарей.

³⁸ См.: М. В. А р а п о в. К этимологии слова *офеня*. — «Этимология. 1964», стр. 125; Д а л ь IV, стб. 539.

³⁹ Н. М. В а с н е ц о в. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908, стр. 98—99.